

Р. Я. Бялякшин

Праведный Прокопий Устюжский,
Христа ради юродивый,
чудотворец

Художник — Янина Кудимова

К_{III} 1403592

Издание Сретенского монастыря

Москва
2003

Волгодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

По благословению
Святэйшего Патриарха
Московскаго и вса Руси
Алексия

На полноводной реке Волхов стоит Великий Новгород. В стародавние времена широкую гладь реки бороздили иноземные купеческие ладьи и барки, военные струги, рыбацкие лодки. На торговых пристанях кипела бойкая жизнь: лишь причалит корабль, глядишь, уже бегом несут с него на берег грузчики тюки с товаром, катят бочки с вином, маслом, рыбой, бережно кладут на подводы сундуки с венецианским стеклом, ларцы с камнями драгоценными. Никому не под силу меряться с Господином Великим Новгородом богатством. Вздумал, было, потягаться с ним казной удалой купец Садко, да не совладал, отступился.

Однажды показался на Волхове незнакомый корабль. Паруса его, сшитые из красных и зелёных полос холста, туго надувал ветер, нос упруго резал волну, а впереди, горделиво облокотясь на носовую фигуру языческого бога Нептуна, стоял статный молодой купец Прокопий. Ласковый ветерок перебирал его белокурые волосы, гладил светлую курчавую бороду. Взгляд ясных голубых глаз говорил о мужестве и непреклонной воле.

Из далёкой Немецкой земли прибыл сюда Прокопий. Удачливым и мужественным слыл он среди своих собратьев-купцов. Его кораблю были знакомы холодные фиорды Норвегии, тёплые воды Средиземного моря, шумные гавани Лондона, Парижа и Рима. В любом начинании сопутствовало Прокопию счастье: ни свирепые штормы, ни опасные стремнины, ни пиратские набеги не могли остановить его. Так, когда у острова Родос

корабль Прокопия атаквали ночью пираты, торговец смело отразил их налет, доказав, что прекрасно владеет не только пером и купеческими счётами, но и боевым топором.

Многokrатно умножил Прокопий отцовское наследство. Чередой шли к нему на поклон заимодавцы: заносчивые бароны, владетельные маркграфы и герцоги. Но не только богатство занимало удачливого купца. Ему был интересен весь Божий мир. Он стремился узнать, чем живут люди в дальних странах, и любил осматривать каждый город, куда приводил его торговый промысел.

Всюду побывал неутомимый путешественник, только никак не мог достигнуть Великого Новгорода, слава о котором гремела по морям и странам Европы. И вот, наконец-то, Божий Промысл проложил курс его кораблю в эти пределы. Охваченный волнением, Прокопий не сводил глаз с многолюдного города, раскинувшегося по берегам реки.

Корабль тихо ударился бортом о причал. Вот уже брошены на берег канаты и на палубу взошёл дородный, с густой бородой новгородский купчина. Начались обычные торговые хлопоты.

Полагал Прокопий, что всё пойдёт заведённым порядком: продаст он свои товары, закупит местные, да и пустится в обратную дорожку. Но неис-

поведимы пути Господни. Откуда было знать молодому купцу, что Русская земля станет его второй Родиной.

Заклучив выгодные сделки, в первый же вечер пошел Прокопий осматривать Новгород. Много диковинного повидал он, странствуя с товарами по белу свету, однако этот суровый город странно удивил его, хотя и не блистал дворцами, не устрашал мощными замками. Застроен он был в основном деревянными теремами да низкими избами, теснящимися вокруг обширных торговых площадей. Но вовсе не узорочье хором привлекало внимание Прокопия. В его родных краях было уже не редкостью, если каменный дом бюргера или рыцарский замок не только равнялся с церковью, но и превосходил её, здесь же всё было иначе. Прокопий дивился великому множеству Божиих церквей, которые возвышались над избами простых горожан и даже над теремами богатеев. Отовсюду, куда бы он ни свернул, царила белоснежная громада Новгородской Софии — главного соборного храма. Ярко пылая под солнцем, сияло созвездие её золотых крестов, зовущих в небо, словно именно там обреталось истинное сокровище.

Изумляло Прокопия множество икон не только на храмах, но и на улицах города: в часовенках или в маленьких домиках на столбах. Шествовал ли мимо них пеший иль конный, он непременно снимал шапку, крестился и кланялся иконе. В домах первым, что видел Прокопий, тоже

были иконы. Все входящие в дом сначала воздавали честь Богу, крестясь на икону в красном углу, и лишь потом кланялись хозяину и начинали деловой разговор.

Как-то вышел Прокопий за город и оказался у стен монастыря. Увидев, что рядом нет его единоверцев, варяжский купец захотел войти в обитель. На его стук в ворота вышел привратник. Инок смутился при виде богато одетого иноземца и впустил его.

В монастырской церкви совершалось богослужение. Прокопий встал у дверей, не решаясь войти. Он вглядывался в лики икон, едва освещенных разноцветными лампадами, смотрел, как в мерцании свечей колеблются на стенах тени согбенных монахов, обонял душистый кадильный дым, слушал стройное пение хора и вдруг почувствовал: что-то великое совершается в его душе. На нее тихо сошел мир и покой. Ему стало казаться, что настоящий дом его не далеко за морем, а здесь, в храме, что наконец-то он пришёл, куда давно жаждала прийти его тоскующая о возвышенном душа.

Уже начали гасить свечи и лампады, когда Прокопий словно очнулся от благодатного сна. Потрясённый, он вышел из храма. Какая-то неизреченная радость переполняла его. В ушах продолжало звучать неземное пение монахов.

Прокопий не помнил, как пришёл на корабль. Запершись в каюте, он переживал случившееся. Всецело занятый накоплением богатства, удачливый торговец давно позабыл о Боге. В православном храме под пение

молить, из которых он не понимал ни слова, в его сердце неожиданно сошло живое понимание Бога как Творца всего сущего. Что он со своими богатствами, почестями и славой рядом с Ним? Ничтожная пылинка. И что, как ни тлен, все это богатство? И неужели вся жизнь должна состоять из погони за богатством, словно за убегающей тенью?..

И снова стоит Прокопий пред монастырскими воротами. Где же ему откроют смысл жизни, как не здесь, где впервые его посетили такие думы?

Но сегодня войти в обитель оказалось гораздо труднее. Предки наши строго блюли святость храмов и монастырей, не позволяя входить в них неправославным. Привратник, допустивший накануне оплошность, получил суровое нареkanie и поэтому отказался впустить иноверца. Прокопий конечно мог просто отстранить его своей сильной рукой, да сообразил, что тогда никакого ответа не получит.

Долго томился он у окованных железом ворот. Сгустились сумерки, наступила ночь, выпала роса. Усталый Прокопий сел на камень и охватил голову руками. Утром его наконец впустили в монастырь.

В тот день завершилась бурная жизнь купца и началось житие святого угодника Божия...

Игумен монастыря был муж высокой духовной жизни, подобно первому настоятелю этой обители, Варлааму Хутынскому, чье имя он достойно носил. Всю ночь он молился, чтобы Господь открыл ему Свой Промысл

о чужеземце. Когда Прокопий остался наедине со старцем, тот напомнил ему евангельские истины о Царствии Небесном и о Спасителе нашем Господе Иисусе Христе. Прокопий с горечью осознал всю пустоту своей прежней жизни, которой он жил по привычке, как текущий с горы ручей. Случалось, у себя на родине он общался с католическими священниками, но их заученные слова скользили мимо сердца. Поучения же игумена этой небольшой обители запечатлевались в душе огненными словесами. Видно было, что учение Христа для него было живее всего живого. Евангелие старец Варлаам строго воплощал в своей жизни.

Прокопий жадно слушал наставления игумена. В евангельской притче о богатом юноше, спросившем Спасителя, что нужно, чтобы стяжать Царствие Небесное, Прокопий узнал самого себя. Господь сказал юноше: раздай всё имение бедным и иди за Мной. Тот юноша отошёл опечаленным, ибо имел большое богатство. Прокопий же твердо решил идти евангельским путём. Игумен предупредил, что Прокопию предстоит не только раздать имение, но и свою волю отдать Христу и жить, как положит Господь. А воля Божия относительно Прокопия, как сказал напоследок старец,— принять православие и отойти от мирской жизни.

Прокопий, не колеблясь, согласился. Он продал весь купленный товар и свой корабль. Частью вырученных денег бывший купец расплатился с командой, другую часть отдал в монастырь, третью раздал нищим.

Молва об этом взбудоражила весь город. Многие спешили в монастырь посмотреть на нового послушника, который недавно с блеском прибыл в город, а теперь по своей воле занимается черной работой. Не было такого ещё в Великом Новгороде. Иноземцы приезжали сюда для того, чтобы обогатиться, а этот — неслыханное дело — раздал всё, что имел.

Тяжки были Прокопию эти незваные зрители. Прошло еще время, но в монастыре продолжалась та же суэта. Тогда во избежание соблазнов Прокопий решил оставить любимившуюся обитель. Настоятель предложил ему уйти в затвор, пока улягутся людские толки, но Прокопий умолял отпустить его. Старец уступил, однако взял с Прокопия слово не возвращаться к мирским занятиям, стать «не от мира сего», приняв на себя крест юродства во Христе, нищеты и внешнего безумия.

Выслушав последние наставления, попрощался Прокопий со своим учителем и, вооруженный молитвой и верой в помощь Божию, отправился в те края, где никто его не знает.

В одном рубище, побираясь Христовым именем, шагал он от села к селу, от деревни к деревне. Ночевал, где заставали сумерки: в лесу, в поле, под дождём или снегом. Когда случалось ему заночевать в деревне, не просился он в жилище, а искал место отдохнуть под забором или у хлева, а спозаранку снова отправлялся в дорогу.

Всё дальше и дальше уходил он от Новгорода. Одежда его истрепалась, ноги были изранены, но он представлял раны Господа, Его страдания и напоминал себе, как сам пышно пировал и жил в довольстве, не заслужив этого. Со слезами падал блаженный на землю, молясь о прощении и прося укрепить его на трудном пути покаяния.

Питался Прокопий редко, и то лишь тем, что подадут. Как-то присел он в лесу на пенёк и достал из котомки чёрствую краюшку хлеба. Возблагодарив Господа, Который милует нас и питает, он уже собрался было начать свою скудную трапезу, как в кустах что-то зашуршало. На поляну вышла старая больная волчица. Незваная гостья приблизилась, умоляюще глядя на хлеб. Блаженный раскрыл ладонь, и волчица, схватив добычу, пропала в лесу. Так Прокопий подружился со зверями.

Зато часто приходилось блаженному испытывать неприязнь от людей, которые его не понимали. Дети, смеясь над его странностями, кидали в него комья грязи, камни, скакали вокруг, дразнили. Прокопий же вспоминал о безвинном поношении Спасителя и принимал все плевки, побои, побивание камнями с кротостью, как бы разделяя со Христом Его унижения и боль.

Между тем странствие Прокопия подходило к концу.

Однажды лес расступился и с крутого берега открылся Прокопию простор широкой реки. Вдали виднелись строения большого города, блестели

кресты на церквах, густо плыл колокольный звон. Посреди города красовался на берегу реки высокий Успенский храм. Так достиг блаженный Великого Устюга, где Божественным Промыслом было суждено ему просиять подвигами и скончать свою многотрудную жизнь.

Сколь славен Новгород на реке Волхов, столь же славен был и знаменит в здешней округе Великий Устюг на Сухоне. Издавна селились здесь тороватые купцы. Ходили они с товарами и к Полярному кругу, и за Урал Камень; достигали их обозы и Ростова Великого, и тогда ещё совсем неприметного городка Москвы.

Появление Прокопия не осталось в городе незамеченным. Летописи сообщают, что блаженный был одет в дико-багряное рубище, которое болталось на его худом теле, спускаясь с правого плеча. Сапоги были разорваны, голени исцарапаны. Пришёл он с тремя тяжёлыми кочергами (клюками). Что обозначали эти кочерги, не ведал никто, но с ними Прокопий не расставался до конца своих дней.

К сожалению, люди здесь были, как и повсюду. Прокопий казался им странным, диким, ибо жил не так, как все. Они насмехались над блаженным, оскорбляли его. Но он никогда не отвечал на ругань руганью, на удар ударом. Кротко и молчаливо сносил Прокопий всё, что доводилось испытать ему, да еще, по слову евангельскому, молился за обидчиков.

Подвиг юродства во Христе был тогда ещё неизвестен на Русской земле. Прокопий стал первым русским блаженным.

Днём бродил Прокопий по городу со своими непонятными кочергами, а ночью, когда все спали, бодрствовал, сняв с себя личину юродства. Он переходил от церкви к церкви и, преклонив колени, молился Спасителю и Пречистой Его Матери о граде Устюге, о том, чтобы умножалось добро в мире. Эти его горячие молитвословия были истинным сокровищем, ибо нет ничего ценнее искренней, летящей из глубины души покаянной молитвы. Всех сокровищ мира не достанет, чтобы выкупить единую душу грешника из темниц ада. А молитвой можно.

Лишь под утро, когда его силы истощались, ложился ненадолго Прокопий на голую землю отдохнуть, где одолевал его сон. Излюбленным же местом, куда он старался добрести хотя бы и из последних сил, была паперть собора Успения Божией Матери. Там и спал он под открытым небом в любую погоду.

Каждый день блаженный посещал Божий храм. Входил он туда первым, до начала богослужения, и простаивал всю службу. Но молитву его никто не понимал, ибо и в храме прикрывался он личиной юродства.

Часто днем сидел Прокопий на большом камне на берегу Сухоны, смотрел, как проплывают по реке суда, и молился, чтобы все путешественники благополучно миновали водную бездну.

Не раз приплывали на таких судах в Устюг новгородские купцы, которые рассказывали о чуде-купце, некогда раздавшем свои богатства нищим. Они не узнавали Прокопия в его нищенском виде, с длинной спутанной бородой, которую он когда-то холил и лелеял. Вместо кафтана из первосортного парижского сукна на нем болтались немыслимые обноски. Пожалуй, теперь и родная мать не узнала бы в нем собственного сына...

Шли годы. Устюжане свыклись с присутствием убогого и теперь уже не могли представить город без него. Он был также привычен, как река, как солнечный свет, как Божии храмы.

Со временем наблюдательные богобоязненные люди даже заметили, что странные, на первый взгляд, речи и поступки Прокопия имеют полезный для них смысл. Например, если Прокопий носил свои кочерги крюками, обращёнными к небу, то всегда бывал обильный урожай на хлеба, огородные овощи, ягоды и грибы. Если же крюки бывали обращены к земле, то жди неурожая, падежа скотины или других невзгод.

С теми, кто приходил к Прокопию с чистым сердцем, он говорил без юродства, часто давал мудрые советы. Молитва его была сильной и угодной Богу. Люди подметили также, что Прокопий никогда не брал милостыню у людей богатых, которые чванились своим достатком, а прочих людей ставили ниже себя. Также юродивый никогда не оставался ни у кого ночевать, даже у людей достойных и благочестивых.

Со временем горожане уверились, что блаженный обладает даром прозорливости. Так, однажды после обедни народ выходил из Успенского собора. Вышел и клирик Симеон с маленькой дочкой по имени Мария. Прокопий, до этого глядевший на небо, вдруг выступил вперёд всех, поклонился ей и сказал диковинные слова: «Здравствуй, мать великого епископа Пермского Стефана». Глупые люди захохотали, а умные растерянно переглянулись. Девочка была в таких годах, когда только в куклы играть. Да и мудрено родиться святителю, архиерею, в простой бедной семье. Не многие из смеявшихся дожили до того дня, когда Мария вышла замуж и родила сына Стефана, просветителя зырян, собеседника преподобного Сергия Радонежского.

Люди, как правило, выбирают друзей себе под стать. У дурного человека и друзья, обыкновенно, дурные. А у святого и друзья подобны ему. Были в городе друзья и у Прокопия. С ними он мог быть вполне откровенным, мог излить им свою душу, зная, что они поймут его и покроют его страдания своей любовью. Таким утешением для Прокопия стали: первоначальник устюжских святых Киприан, основатель Михайло-Архангельского монастыря, и праведники — Иоанн и Мария. К ним в дом приходил иногда Прокопий и рассказывал о своей прошлой жизни, о том, как пришёл в эти края.

Когда же они переселились в обители Небесные, его собеседником стал клирик Симеон, будущий дед святителя Стефана Пермского.

Тем временем наступил 1290 год — знаменательный в истории Великого Устюга и на века прославивший подвиг Прокопия. Если бы не святой Прокопий, вряд ли бы любовались мы нынче величавым видом старинного города и его набережных. Вряд ли бы над городом плыл сегодня сладкогласный звон церковных колоколов и солнце не озаряло бы своим золотисто-розовым светом чудную двоицу дымковских храмов, поднимаясь из присухонских низин. На месте города громоздились бы огромные замшелые валуны среди безжизненной, каменистой пустыни.

За великие духовные подвиги, за его смирение, за непрестанную молитву и нелицемерную любовь к ближнему Господь часто возвещал Своему угоднику о грядущих судьбах, приоткрывая завесу будущего. И теперь Господь предупредил Прокопия о страшной беде, надвигающейся на Устюг за грехи беспечных жителей.

В один из воскресных дней, когда храм Успения был полон народа, возвысил Прокопий свой голос, плача и крича: «Покайтесь, отступите от беззаконий, иначе огнём и градом Господь истребит весь Устюг и вы погибнете!»

Не поверили Прокопию устюжане. Что значит: истребит огнём? — рассуждали они. Может, случится большой пожар? Но не может же пожар истребить весь город до основания, что-нибудь да уцелеет. Ещё более нелепым казалось предсказание о гибели градом. Бывало, что крупный град побивал весь урожай. Но как может град погубить город? Разве только с неба повалятся градины величиной с телёнка. Но такого не может быть.

Тяжко скорбел Прокопий о людской бесчувственности. Но как он мог развеять их неверие, убедить в истинности своих слов? Плакал он о закосневших в мирском житии людях, целый день бегал с кочергами по городу и взывал к покаянию. Ещё день и ночь провёл он в слезах и молитве, но все было напрасно.

...Утро рокового дня не предвещало ничего необычного. Поднявшись с петухами, устюжане спозаранку принялись за будничные дела. Кто, взяв косу, ладился идти на сенокос, кто чинил упряжь, готовясь к отъезду, дети пололи гряды, прачки полоскали бельё в реке, а купцы отпирали лавки, готовясь торговать.

Кой у кого всё же сжималось сердце: а что если Прокопий прав? Не из тех он людей, что бросают слова на ветер. Некоторые при этом думали: «Ну, да ладно. Авось, пронесёт».

Но в полдень небо внезапно померкло, словно наступили сумерки. К городу со всех сторон стремительно приближались грозовые тучи. Бешено

клубясь, они выростали в небе чёрными кипучими горами. Словно живые стены, сомкнулись они над городом, образовав непроницаемый для солнечных лучей свод.

Среди бела дня на городских улицах воцарился мрак. Наступила жуткая тишина. Смолкло всё живое...

И вдруг мрачную утробу туч прорезали огненные зигзаги молний и на город обрушился ужасающий грохот. Гром гремел беспрестанно, сливаясь в оглушительный рёв. Небо как будто разламывалось на части, грозя упасть на землю, которая ходила ходуном. Люди в страхе и отчаянии кричали и не слышали сами себя.

Ужас объял горожан. Никто не знал, что делать. Матери хватали из зыбок грудных детей и с воплями выбегали на улицу. Люди хоронились в погребах, в подпольях, рискуя быть похороненными под развалинами домов. С привязей срывались кони и мчались опрометью из города, сшибая всех на своём пути. Выли собаки, мычали коровы, блеяли овцы и козы. Казалось, наступил конец света.

Где искать спасение? Где обрести надежду?

Только тут все вспомнили, что говорил им недавно блаженный Прокопий, о чём предупреждал. Жители побежали в соборный Успенский храм.

А угодник Божий уже давно был там. Он стоял на коленях перед иконой Богородицы и, перемежая слова молитвы горестными стенаниями, молился Заступнице рода христианского, прося помиловать город. Собор наполнился всеобщим рыданием и плачем. Люди молились, клали земные поклоны, принародно каялись в своих грехах, обещая исправиться и никогда более не грешить.

1403592

- 17 -

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Храм не мог вместить всех горожан. Народ стоял на коленях вокруг него, невзирая на валивший с ног вихрь. Весь город молился как один человек.

Долго тянулись минуты. Собор сотрясался от порывов ветра. Молнии вспыхивали и гасли одна за другой. Души человеческие замирали, трепеща как листки на ветке, которые вот-вот сорвёт неистовый вихрь, закрутит и умчит неизвестно куда.

И вдруг Прокопий и те, кто молился возле него, увидели, как на иконе Благовещения заблестела светлая капелька. Она налилась прозрачной, крупной виноградиной и заструилась тонким ручейком. Так пробивает земную твердь святой источник.

Икона источила благоуханное миро.

В тот же миг воцарилась тишина. С опаской люди выглянули на улицу и не поверили своим глазам.

Смертоносные тучи уходили прочь от города, словно их тянула за собой могучая рука. Небо прояснилось, гром удалялся и ворчал всё глуше, умиротворённой. Наконец, засияло солнце.

Народ постепенно разошелся по городу, по домам. У людей было чувство, что они заново родились или встретились после долгой разлуки. Даже недруги рады были видеть друг друга живыми. Прояснилось не только небо, но души покаявшихся людей.

Однако события развивались дальше. Тучи уже почти совсем зашли за горизонт, как внезапно раздался вдали страшный протяжный грохот и земля затряслась под ногами. То туча, исторгнув свою тяжкую ношу, обрушила на землю ливень из огненных камней, назначавшийся Устюгу...

А миро всё текло из иконы. Им наполнили церковные сосуды, и ещё долго хранилось оно в церкви, принося исцеление от многочисленных болезней.

Впервые устюжане благодарили Прокопия за сотворённое им благодеяние. Но блаженный смиренно отвергал благодарности и похвалы, всю честь отдавая истинному Творцу чуда — Господу.

На другой день, подняв иконы и хоругви, горожане вместе с Прокопием отправились крестным ходом к месту, куда выпал каменный град. Долго шли они, воспевая благодарственные молитвы Спасителю, Богородице и святым угодникам. Когда же пришли на место, неподалёку от села Котовалово, их взорам предстало ужасное зрелище. На несколько вёрст вокруг лежал поваленный лес: вывороченные с корнем столетние ели, берёзы, осины. Громадные, с дом, валуны громоздились один на другой.

Но Господь и здесь явил чудо: ни один камень не поразил ни людей, ни животных...

Ещё более десяти лет прожил Устюжский Прокопий, Христа ради юродивый, на грешной земле. Дни его земной жизни близились к концу. Но всё так же бродил он днём по городу с тремя кочергами, молился на берегу на своём излюбленном камне, а ночью обходил с молитвой церкви и монастыри,

Перед тем, как уйти в мир иной, пережил святой угодник испытание.

Суровы зимы в северных краях, но последняя зима в жизни Прокопия надолго запомнилась устюжанам. Две недели над городом бушевала вьюга, замела все дороги. А примчавший её с Ледовитого океана ветер был настолько свиреп и жесток, что на лету замерзали птицы, звери зарывались глубже в снег, в своих убогих хижинах замерзали бедные люди.

Что же испытывал Прокопий в своём дырявом рубище? Неимоверно страдая от стужи, впервые решился он попросить убежища у горожан. Но тщетно стучался блаженный и в хоромы, и в хижины. Никто не впустил своего недавнего благодетеля даже во двор.

На окраине города завернул он в лачугу, где сбились в кучу бездомные псы. Прилёг к ним Прокопий, надеясь пригреться. Но и псы шарахнулись от него. Со скорбью подумал Прокопий, что никому он не нужен — ни людям, ни бессловесным скотам, и побрел умирать, где благословит его Господь...

сама молитва замерзла в его сердце и что не мороз, а дыхание смерти дышит ему в лицо. Приготовился блаженный отдать Богу душу...

Внезапно откуда-то сверху повеяло на него тёплой волной. С трудом разлепил он уже смёрзшиеся веки. Пред ним стоял прекрасный юноша с длинными золотистыми волосами, в светлых одеяниях и лицом, сиявшим, как свет. В руках он держал райскую ветвь с белыми и алыми цветами.

— Где ты сейчас находишься, Прокопий? — спросил Божий посланец.

— Сижу во тьме и тени смертной, — ответил он ему.

— Прими, Прокопий, жизнь непобедимую всему твоему телу и разрешение от мороза, — сказал ангел и ударил райской ветвью в лицо его. Вокруг разлилось благоухание, словно не зима была на дворе, а цветущая весна. Прокопий почувствовал, как к нему возвратилась жизнь.

Когда же достиг праведный Прокопий пределов своей земной жизни, явился ему вновь ангел Божий и известил о кончине живота его.

Смиренно принял эту весть блаженный. Прощаясь, совершил он в последний раз обход городских церквей.

Стояла тёплая июльская ночь. С полей веяло ароматом цветов и трав, на Сухоне серебрилась лунная дорожка, земля была покойна и тиха. Выйдя за город, долго молился Прокопий у врат Михайло-Архангельской обители, вспоминая друга своего, преподобного Киприана, и готовясь к загробной встрече с ним.

Завершив молитву, угодник Божий сложил руки на груди и тихо отошел в райские обители. Господь призвал к Себе блаженного Прокопия в ночь на 8 июля 1303 года.

Прошли дни, и мороз стал ослабевать. Стих ветер, унялась метель. Люди стали выходить на улицу. А сделать это иногда было не так-то просто. Немало изб занесло снегом по самую крышу. Приходилось разбирать крышу, откапывать от сугробов двери, вызволяя домочадцев из снегового заточения. Из бедняцких домов выносили замёрзших, везли на санях к кладбищенской церкви.

Город стал оживать, люди торопились проведать сродников, кумовьев и соседей; спрашивали, как они перенесли непогоду. Припомнили, как стучался к ним юродивый, а они не пускали его. Сокрушались устюжане, что так поступили с благодетелем. Да что ж понапрасну теперь сожалеть. Уж, наверно, нет его в живых.

Каковы же были их изумление и смешанная с раскаянием радость, когда увидели они блаженного, как обычно бредущего по улице и что-то напевающего. Он направлялся к дому своего душевного друга — клирика Симеона.

Не чаявший уже увидеть Прокопия в живых, Симеон радостно встретил его на пороге, провёл в избу, усадил за стол и, пока готовилась скромная трапеза, с волнением спросил: «Отче святой, поведай мне, как ты уцелел в такую стужу?»

Прокопий сначала взял с Симеона обещание, что никому до его кончины он не откроет тайны чудесного спасения. И только потом рассказал, как ходил по городу, стучался в дома, как погнушались им псы и как вернулся он на своё место на соборной паперти. Положившись на волю Божию, лёг он на охапку соломы, и мороз впился в него своими иглами. Быстро окоченел он, не мог шевелиться, претерпевая невыносимые муки. Казалось, даже

Чтобы не лежало тело святого ничем не покрытым, Господь послал снежную бурю, которая занесла город и его окрестности глубоким снегом.

Жители проснувшись, ужаснулись зиме среди лета. Что же будет с посевами, с огородным хозяйством? Но снег, как появился, так же чудесно скоро и растаял, ничуть не повредив насаждениям.

Придя для совершения утреннего богослужения в соборный храм, клирики не обнаружили Прокопия на привычном месте и встревожились. Не бывало еще такого, чтобы он пропустил службу. Обошли все городские церкви. Прокопия не оказалось нигде. Поднялась тревога. Весь город искал блаженного. Отрядили посланцев в Котовальскую волость, куда Прокопий любил ходить молиться, но и там его не нашли.

Лишь на исходе четвертых суток кто-то обратил внимание на странный сугроб у стены Михайловского монастыря. Пекло июльское солнце, а он не таял. Разрыли сугроб и обрели под ним праведного Прокопия.

Так ещё раз Господь прославил Своего угодника: зимой даровал ему тепло, а летом укрыл снегом.

Подняли честные останки праведника иереи соборного храма и с пением псалмов, в сопровождении священства и плачущих горожан понесли в Успенский храм. Весь город пришел почтить святого. Услыхав о кончине Прокопия, люди бросали работу: плотник забывал о своем топоре, каменщик о молотке, женщины оставляли прялки и ткацкие станы, бросали стряпню и, взяв детей, торопились в храм.

Среди плача и рыданий совершалось отпевание святого угодника. Только теперь люди поняли, кого они потеряли, как дорог и необходим был им Прокопий, как трудно им теперь будет без него.

Погребли блаженного Прокопия возле Успенского собора, положив на могилу, согласно его завещанию, тот камень, на котором святой так часто сиживал и смотрел на плывущие по реке суда и лодки.

О чём думал он тогда? Быть может, вспоминался ему молодой купец, плывущий на корабле по Волхову? Нет, давно вымерли в душе его воспоминания о былой суете. Он прозревал духовными очами жизненные пути людей, путешествующих по воде, и крепко молился о них. Господь слышал Своего угодника, как Он слышит и сейчас любого, кто от всего сердца воссылает к Нему свою молитву.

Вскоре над могилой святого поставили часовню. Здесь часто бывали устюжане, с верою обращаясь к предстательству угодника Божия Прокопия, и святой, как всегда, помогал всем страждущим и скорбящим,

В 1547 году на Московском Соборе праведный Прокопий, Христа ради юродивый, был прославлен в лике общероссийских святых.

Сразу же после блаженной кончины у гроба святого стали совершаться чудеса. Многие из них записаны, но гораздо большее число утрачено. Приведём одно из последних чудес.

20 июля 1994 года, накануне дня памяти святого Прокопия Устюжского, в церкви, где покоятся его честные мощи, совершалась всенощная служба. И вдруг молящиеся ясно увидели на потолке изображение блаженного Прокопия в том виде, как описывают его летописи. Угодник Божий был одет в рубище. Он стоял на коленях и горячо молился. О чём молил святой Подателя всех благ, никто не знал.

Впоследствии стало известно, что в этот же день, в 23 часа 10 минут на планету Юпитер упал крупный обломок огромной кометы. Для Земли подобное столкновение означало бы конец земной истории человечества.

Что это, как не доказательство непрекращающегося заступничества святого Прокопия Устюжского перед Творцом за нас грешных?..

Память о праведном Прокопии, Христа ради юродивом, и по сей день свято сохраняется в Великом Устюге. Перед днём его памяти благочестивые устюжане соблюдают недельный пост.